

Тепловой цикл всё ещё не закончился — точнее, казалось, он медленно удлинялся по мере развития беременности. Стоило Сюй Яньцину открыть глаза, как он тут же ощутил палящее тепло, исходящее от затылка.

Он уткнулся лицом в подушку и немного поёрзал. Затем унылая солёная рыбина вдруг застыла. Почему он лежал в постели, а не свернувшись калачиком в кресле-шезлонге?

Ци Чэнь, который каждый день приходил проверять пульс, постучал и вошёл. Увидев юного господина, растянувшегося на кровати с видом полного безразличия к жизни, не удержался от поддёвки:

— Что случилось, молодой господин? Неужели прошлой ночью произошло нечто волшебное, о чём я не в курсе?

Пропустив «великую кампанию по краже одежды», унылая солёная рыбина лежала на кровати плашмя, ни о чём не заботясь. Услышав слова Ци Чэня, он повернул голову и раздражённо зыркнул на него:

— Какое ещё чудо? Почему же я сам о нём не знаю?

— Это я вас спрашиваю, молодой господин, а не вы меня, — Ци Чэнь сел у кровати и принялся за пульс солёной рыбины, попутно сделав пару пометок в своей записной книжке. С выражением лёгкой озадаченности на лице он спросил: — Цикл, что, удлинился?

— Ты и это можешь определить? — Сюй Яньцин коснулся затылка. — Разве раньше по пульсу всё не было в норме?

Сюй Яньцин с самого начала считал, что в процессе переселения в этот мир с его телом произошёл какой-то сбой — обычный студент-мужчина стал Омегой, способным забеременеть и рожать. А раз уж такое тело — единственное в Даляне, было вполне естественно, что Ци Чэнь раньше ничего не замечал. А вот сейчас — наоборот, странно, что он вдруг что-то заметил.

Сюй Яньцин пристально посмотрел на Ци Чэня и сделал вывод:

— Ты сегодня какой-то подозрительный. Неужели натворил чего?

Ци Чэнь откашлялся:

— Ну, просто я вчера мельком увидел, как вы спали и... заигрывали с Даосом Сюаньчэнем. Но я недолго — Даос Вэнь Цзин сразу меня оттащил.

— Я... заигрывал с Даосом Сюаньчэнем?! — солёная рыбина пришёл в ужас. Он с трудом перевернулся, сел на кровати и схватил Ци Чэня за руку: — Ты уверен, что я действительно заигрывал с ним?!

Солёная рыбина был в отчаянии до слёз. Ему казалось, что он с каждым днём становился всё извращённее. Ему уже мало было снов про Даоса Сюаньчэня — он теперь и во сне лапал его. Отвратительно.

— Ээ, молодой господин, не волнуйтесь. Давайте лучше поговорим про жар, а? — испугавшись, что юный господин взволнуется слишком сильно, Ци Чэнь поспешил сменить тему. — Кроме того, Даос Сюаньчэнь — второй отец вашего ребёнка. Трогать его — это, можно сказать, вполне нормально.

Нормально? Это вообще нормально?! Солёная рыбина ничего не понимал. Но, не найдя, куда провалиться от стыда, решил сдаться:

— Я тоже заметил, что цикл удлинился. А как ты это понял? Ты и вправду определил это по пульсу?

Ци Чэнь посмотрел на юного господина взглядом, каким глядят на глупышей, вызывающих умиление:

— Во время теплового цикла температура тела выше обычного. Это ведь тоже можно считать результатом пульсовой диагностики?

Солёная рыбина, которого откровенно считали глупышом, и впрямь не знал стыда. Он даже с удовольствием подшутил над самим собой:

— Может, это и правда та самая легендарная «трёхлетняя тупость после беременности»? А я ведь только в первый год...

Вот же гордится ещё! Ци Чэню хотелось закатить глаза. Посмотри на себя — довольный как слон. Если ты станешь ещё глупее, кто-нибудь точно придёт и утащит и тебя, и ребёнка.

— Но вы как теперь собираетесь поступить, молодой господин? Вы и вправду позволите Даосу Сюаньчэню вот так просто уйти? — Ци Чэнь начал осторожно выуживать информацию, озорно блестя глазами.

Сюй Яньцин одевался. Из-за вспышки жары он выглядел более вялым, чем обычно. Услышав слова Ци Чэня, он поднял голову:

— А ты откуда знаешь, что Даос Сюаньчэнь уходит из деревни Сюй?

— Так Даос Вэнь Цзин уже вещи собирает, вон посмотрите, — Ци Чэнь распахнул окно и кивнул в ту сторону.

И точно — Вэнь Цзин откуда-то достал повозку. Не сказать, чтобы она была роскошной, но просторной — уж точно. Скорее всего, ехать в ней было гораздо комфортнее, чем в карете самого Маркиза Уаня. Сюй Яньцин вздохнул: Даос Сюаньчэнь и впрямь был достоин звания императора — даже у его повозки был особенный стиль.

— Если Даос Сюаньчэнь уедет, рядом не останется никого, кто смог бы помочь вам пережить вспышку жары. Вы уже решили, что будете делать, молодой господин? — На данный момент именно Ци Чэнь лучше всех понимал состояние тела Сюй Яньцина.

— А, Чэнь, а как тебе идея — нанять отряд убийц, чтобы они по пути похитили Даоса Сюаньчэня? Прокатит? — Упустив шанс заполучить хотя бы клочок одежды Даоса Сюаньчэня, Сюй Яньцин начал обдумывать другие способы...

В конце концов, как бы ни был уныл Сюй Яньцин, он всё же оставался солёной рыбой, которая дорожила своей жизнью.

И только юному господину могла прийти в голову идея похитить самого императора. Если бы Ци Чэнь не знал, кто на самом деле такой Даос Сюаньчэнь, то, учитывая силу и влияние усадьбы маркиза Уаня, он, возможно, и счёл бы этот план посредственным. Но сейчас, глядя на Сюя Яньцина, он видел перед собой не что иное, как самоубийственный замысел.

— Молодой господин, вам лучше всё хорошенько обдумать. Увы, сопровождать вас в этом я не смогу! — Ци Чэнь, хоть и был по уши втянут в дела между двумя сторонами, по привычке склонялся к стороне юного господина. Но в этот момент он был просто вымотан до предела. Пусть всё идёт как идёт!

— Что такое, Даос Вэнь Цзин? — Тётушка Чжао уже пришла, а тётушка Ли, скорее всего, подойдёт чуть позже. Завидев, как Вэнь Цзин суется во дворе, она удивилась.

— В храме появились неотложные дела, нужно срочно возвращаться, — с улыбкой ответил Вэнь Цзин.

— Вот ведь, беда какая. Два уважаемых даоса пробыли у нас больше двух месяцев, а теперь внезапный отъезд. Молодому господину, поди, будет тяжело привыкнуть! — вздохнула тётушка Ли, после чего ещё немного поболтала с Вэнь Цзином и ушла на кухню.

Привыкнуть? — унылая солёная рыбина цокнул языком. — Кто сказал, что я не привыкну? Возможно, это бобёнок в животе не привыкнет. Но раз уж добыть одежду Даоса Сюаньчэня не получилось — даже клочка! — то, конечно, ситуация была непростой. Может, пока Вэнь Цзин собирает вещи, попытаться что-нибудь умыкнуть?..

— Молодой господин, вы уже встали! — подошёл Му Ю с тазиком воды, чтобы помочь своему господину умыться.

Солёная рыбина хмуро хмыкнул:

— Я же вчера спал. Почему ты меня не разбудил?

Му Ю только утром понял, что из-за него сорвался «великий план» молодого господина. Смущённый и виноватый, он пояснил:

— Когда вы заснули, вы всё ещё цеплялись за Даоса Сюаньчэня. Я правда не нашёл подходящего момента, чтобы вас разбудить. А когда Даос Сюаньчэнь ушёл, то сразу направился в свою комнату. Будить вас тогда уже не имело смысла...

— Ладно, ладно, — солёная рыбина хотел заткнуть себе уши. Что ж я натворил-то прошлой ночью? Даже Му Ю говорит, что он цеплялся за Даоса... Прямо-таки удар по и без того пошатнувшейся репутации.

Хотя, возможно, с точки зрения остальных, у солёной рыбины репутации уже давно не было.

После завтрака Вэнь Цзин постучал в дверь. Получив разрешение, он вошёл.

— Молодой господин, мы сегодня уезжаем. Его Величество хотел бы попрощаться с вами.

Прощаться? — сердце Сюй Яньцина дрогнуло. Он как раз ломал голову, где бы случайно «позаимствовать» что-нибудь, и вот — возможность сама пришла в руки. Солёная рыбина сделал вид, что сдержан, и кивнул:

— Хорошо, я сейчас подойду.

— Не торопитесь. Его Величество непременно найдёт время подождать молодого господина, — мягко усмехнулся Вэнь Цзин.

Сюй Яньцину показалось, что в словах Вэнь Цзина явно был скрытый подтекст, но доказать он ничего не мог. Он почесал слегка горящий затылок, спокойно поднялся и вышел из комнаты.

Когда он вошёл, Инь Яньцзюнь как раз приводил в порядок императорские указы и древние тексты. Из-за сборов в комнате царил небольшой беспорядок.

Взгляд Сюя Яньцина обвёл помещение и остановился на деревянном сундуке рядом с Даосом. Крышка была приоткрыта, внутри аккуратно сложены вещи Даоса Сюаньчэня — чисто, ровно, прямо глаз радуется. Надо признать, Вэнь Цзин умел собирать чемоданы.

Задумавшись, солёная рыбина вдруг услышал ясный голос Даоса, в котором звучало лёгкое тепло:

— Здесь немного не убрано. Молодой господин, будьте осторожны, не оступитесь.

Вэнь Цзин закрыл за собой дверь. В комнате остались только они вдвоём. Унылая солёная рыбина без лишних церемоний подошёл и сел в кресло.

— Не ожидал, что Даос уедет так внезапно.

— Принц Хуай давно уже торопит. Нехорошо, если я и дальше буду перекладывать государственные дела на его плечи, — взгляд Инь Яньцзюня, устремлённый на юного господина, был мягким, почти нежным.

Сюй Яньцин, хоть и сидел в кресле, не сидел спокойно — то покачивал ногой, то ёрзал. Хотя с виду он вёл серьёзную беседу с Даосом, глаза его всё время косились в сторону деревянного сундука.

Инь Яньцзюню было даже немного смешно. Он отложил свитки и подошёл ближе к юному господину.

Когда Инь Яньцзюнь подошёл ближе, он уловил исходящий от юного господина слабый аромат персика. Теперь у него уже был некоторый опыт, и он безошибочно понял: вспышка жары у юного господина ещё не прошла.

В сердце поднялась волна жалости и беспомощности. Наконец он заговорил — негромко, почти шёпотом:

— Молодой господин... вы очень испугались, когда узнали, что беременны?

В этот момент сердце Сюя Яньцина словно пронзила лёгкая дрожь. Он удивлённо поднял глаза на Даоса Сюаньчэня, а затем, спустя мгновение, честно ответил:

— Наверное, да.

Голос Инь Яньцзюня стал чуть ниже, и он ненавязчиво подталкивал юного господина к откровенности:

— В тот день, когда я покидал столицу и проезжал мимо особняка маркиза Уаня, Юаньчэн сказал, что молодой господин отправился в старое поместье для поминовения предков. Тогда, скача верхом, у меня было множество мыслей, но теперь, оглядываясь назад... чувствую только недоумение.

Унылая солёная рыбина перевёл взгляд с одежды на самого Даоса:

— То, что я пришёл помянуть предков — это странно?

— О беременности молодого господина знали только маркиз, супруга маркиза и доктор Ци, — сказал Инь Яньцзюнь. — Если вы боялись оставаться в столице и попасть в беду, почему не переоделись в женщину и не отправились в незнакомое место? Хотя деревня Сюй и отдалённая, здесь всё же бывают люди. Когда живот станет заметен, скрыть это будет трудно.

Он поднял взгляд на юного господина.

Даос был по-настоящему красив — словно сошёл с иного мира, с холодной, сдержанной красотой, как цветущая слива среди зимы. Когда он смотрел так, прямо и спокойно, сердце Сюй Яньцина невольно дрогнуло.

Ну это же нечестно, — подумал он, внутренне фыркая. — Разве можно вот так вот соблазнять людей только потому, что у тебя красивое лицо?

Солёная рыбина, как всегда, умел мастерски перевернуть всё с ног на голову. Хотя сам он питал не самые благородные чувства к этой прекрасной внешности, обвинить в соблазнении он умудрился самого чистоплотного и сдержанного Даоса. Безусловно, уровень его бессовестности достиг новых высот.

Но всё же вопрос заставил его задуматься. Даос был прав: хотя он был по натуре солёной рыбой, не мог же он вечно отсиживаться во дворе. В какой-то момент придётся выйти наружу. Или же кто-то может сам заглянуть в гости.

И тогда — тайна, что он, мужчина, вынашивает ребёнка, всплывёт наружу.

Зачем же он тогда всё это затеял? Вероятно, в тот момент он слишком крепко держался за сюжет оригинала и твёрдо верил, что Даос Сюаньчэнь — человек, с которым лучше не связываться. Всё, чего он хотел, — как можно дальше уйти.

А раз уж старший брат как раз собирался в старое поместье для поминовения предков, он и решил этим воспользоваться, чтобы спокойно воспитывать ребёнка подальше от столицы.

Теперь же, слушая рассуждения Даоса, Сюй Яньцин внезапно осознал: возможно, то решение и впрямь было не таким уж мудрым.

Совсем недавно он ещё смеялся с Ци Чэнем про «три года тупости после беременности», но тогда это была всего лишь беззлобная шутка. Сейчас же... стало по-настоящему неловко.

Почему отец тогда меня не остановил? Или... может, они с отцом и правда такие — оба по-детски безответственные?..

Тем временем, в столице.

Маркиз Уань внезапно чихнул — и взмахом сабли разодрал старшему сыну половину одежды.

Брови Сюй Сянчжи дёрнулись:

— Отец! Я же твой родной сын! Ты решил меня прикончить?!

Маркиз Уань втянул саблю, почесал затылок и с невозмутимым видом отмахнулся:

— Ошибка, ошибка. Просто рука соскользнула.

«Просто ошибка» от отца чуть не стоила ему жизни. Сюй Сянчжи почувствовал себя глубоко обиженным!

После недолгой спарринг-тренировки с сыном, маркиз швырнул саблю на стойку и отправился обратно во двор. Госпожа Су тем временем перебирала крохотную одежду, приготовленную для будущего внука.

— Это слишком маленькое... он вообще влезет? — Маркиз Уань поднял крошечный красный жилетик.

Госпожа Су выхватила жилетик из его рук и шлёпнула мужа по пальцам:

— Эти вещички только что постираны. А ты весь потный, с улицы. Не пачкай одежду моего внука!

— Сейчас Ах Цин должен быть уже на шестом месяце. Живот наверняка виден, — с тревогой сказала госпожа Су. — Он долго в деревне Сюй не протянет. Когда ты собираешься отправить тех людей, которых подготовил?

Когда её младший сын узнал, что беременен, он наотрез отказался иметь хоть что-то общее с другим отцом ребёнка. Госпожа Су не могла его удержать и позволила уехать из столицы. Но деревня Сюй — не вариант на долгий срок.

К счастью, несмотря на внешнюю грубость, муж у неё был человек внимательный, и это хоть немного её успокаивало.

Маркиз Уань похлопал жену по плечу. Он сел на край кровати и притянул её в объятия:

— Не волнуйся. Всё для Ах Цина я устрою как надо.

Госпожа Су облокотилась на плечо мужа, нисколько не смущаясь его запаха пота:

— Ах Цин с самого детства был глуповат. Один раз попался на удочку, а теперь всё равно не умеет мыслить наперёд. Не знаю даже... найдётся ли когда-нибудь кто-нибудь, кто сможет по-настоящему о нём позаботиться...

— Усадьба нашего маркиза Уаня нынче не последняя семья в империи. Даже если у Ах Цина потом не окажется близкого человека рядом, мы всё равно сможем его защитить. Жёнушка, ты уж слишком переживаешь. Лучше бы немного внимания и на мужа своего обратила! — Маркиз Уань поддразнил госпожу Су, развеселив её и вызвав у неё улыбку.

А сам Сюй Яньцин о планах родителей ничего не знал. Сейчас он чувствовал себя неловко, но всё равно упрямо сохранял лицо толщиной с городскую стену, уклоняясь от ответа.

Молчание — лучший ответ. Ему просто нечего было сказать. Всё, чего хотел молодой господин в данный момент, — это как можно скорее стащить одежду Даоса и сбежать к себе в комнату. Желательно, не видясь ни с кем до конца дня.

Но момент выдался «удачный». Прежде чем солёная рыбина успела предпринять хоть что-то, он вдруг ощутил, как затылок начинает медленно жечь. В комнате постепенно начал разливаться сладковатый аромат персиков.

Этот тепловой цикл был особенно беспокойным. Впервые вспышка наступила так стремительно и среди бела дня. Сюй Яньцин чувствовал, как пересыхает во рту, и мечтал только о том, чтобы плюхнуться в холодную воду.

Пальцы на столе задрожали. Обычно сдержанное и спокойное лицо Инь Яньцзюня тут же потемнело от тревоги. Он положил ладонь на руку юного господина:

— Молодой господин, вам нехорошо?

Рука Даоса была тёплой, но этого было слишком мало, чтобы усмирить пылающий затылок. Солёная рыбина моргнул, раздражённый собственным телом до глубины души.

Через окно в комнату проникал солнечный свет, ложась на лицо Даоса Сюаньчэня, делая его черты ещё более чистыми и совершенными, словно отполированный нефрит. Он был так безупречно прекрасен, что юное сердце молодого господина невольно дрогнуло.

Солёная рыбина вздохнул. Физический дискомфорт заставил его быстро смириться. Он взял руку Даоса и приложил её к своему затылку:

— Даос сегодня уезжает из деревни Сюй, а я, как видишь, явно беременен. Это же... просто несчастье.

Инь Яньцзюнь дрогнул ресницами, в сердце что-то вспыхнуло. Губы его невольно скривились в лёгкой улыбке:

— В самом деле, беда — быть беременным и в одиночестве.

А если уже сейчас настолько тяжело, что будет дальше — через три месяца? Ради собственного выживания солёная рыбина тут же принял судьбоносное решение: не сопротивляться и поехать в столицу вместе с Даосом Сюаньчэнем.

Инь Яньцзюнь мягко провёл пальцами по тёплой шее юного господина. Услышав его слова, он то ли хотел рассмеяться, то ли уже и не знал, как реагировать:

— Значит, молодой господин согласен поехать со мной в столицу?

Все доводы, которые он заранее подготовил, оказались бесполезны — перед этим необычным юношей оставалось только бесконечно уступать.

— Если Даос умоляет, — лениво протянул юный господин, — я поеду. Как тебе такое?

Он всегда знал, как извлечь выгоду из ситуации. Потеряв лицо, он хотел как можно скорее вернуть равновесие — пусть даже в рамках мягкой насмешки над Даосом.

На безупречном лице Инь Яньцзюня проступило смущение. Он долго молчал, а потом нежно коснулся мочки уха молодого господина, опустил ресницы и тихо произнёс:

— Прощу прощения, молодой господин. Вернётесь ли вы со мной в столицу?

В его лёгких, ясных глазах, бровях и губах светилась кроткая, теплая звёздная ночь. Сюй Яньцин ощутил, как сердце у него ушло в пятки.

Огонь в теле разгорался всё сильнее. Он смотрел в глаза Даоса, полные тепла, и его пальцы неосознанно скользнули вниз — по лбу Даоса, по глазам, по носу, по губам... Каждая черта его

лица была совершенно безупречной.

Как можно облегчить тепловой цикл у Омеги? Кроме физической близости, это могли быть укусы в шею... или поцелуи...

Его пальцы остановились на тёплых, влажных губах Даоса. Поддавшись какому-то странному порыву, словно смертный, соблазнённый бессмертным, Сюй Яньцин потянул Даоса за ворот и поцеловал его в уголок губ.

Уши Инь Яньцзюня чуть заметно покраснели, но рука его обвила шею молодого господина и мягко повернула его лицо, чтобы поцеловать уже по-настоящему.

Аромат спелых персиков становился всё насыщеннее, смешиваясь с прохладной чистотой Даоса и создавая поистине пьянящее ощущение.

Это был первый поцелуй юного господина. И не только он был неопытен — Даос тоже. И всё же, в какой-то момент Сюй Яньцин внезапно пришёл в себя, густо покраснел и в панике оттолкнул Даоса, сбежав из комнаты, где ещё витал сладкий аромат...

Неожиданная волна жара постепенно отступила, оставив после себя лишь лёгкую боль на губах. Солёная рыбина распластался на кровати в полном отчаянии.

Почему он вообще поцеловал Даоса?!

Это был чистой воды импульс, наваждение от чужой красоты. Солёная рыбина люто презирал собственную слабость. Он не только не сумел добиться своей цели — что-нибудь утащить или настоять на своём — но и в итоге сам угодил в объятия Даоса.

По его мнению, этот Даос был не то что святой муж, а настоящая роковая красотка. Ему бы губить государства, а не медитировать в горах.

— Молодой господин, вы и правда решили вернуться в столицу с Даосом Сюаньчэнем? — В комнату ворвался Ци Чэнь, и первое, что он увидел, — это распластанную на кровати солёную рыбу.

— Угу, — кивнул Сюй Яньцин с каменным лицом. — Ты ведь сам с утра ко мне пришёл, чтобы проверить меня. Разве не догадывался, чем это всё кончится?

— Я думал, что воля молодого господина непоколебима, — ничуть не смутившись разоблачению своей хитрости, Ци Чэнь бесцеремонно притащил табурет и уселся рядом. — Что же такого сказал Даос Сюаньчэнь, что вы сразу передумали?

Солёная рыбина уставился на него и с предельной серьёзностью ответил:

— Могу сказать одно — лицо у Даоса слишком соблазнительное. Если он меня о чём-то попросит, как я могу отказать?

Всё было предельно просто: солёная рыбина, как опытный эстет, оценивающий всё исключительно по внешности, одновременно и страдал, и наслаждался.

Купаться в красоте — что может быть лучше? Но как только приходило отрезвление... становилось неловко. Хотелось залезть в какую-нибудь нору и не вылезать. В итоге он сам для себя это состояние окрестил: режим мудреца.

Лицо Ци Чэня стало трудноописуемым. Он внимательно всмотрелся в выражение лица молодого господина:

— Молодой господин... вы правда считаете, что у Даоса Сюаньчэня лицо... соблазнительное?

Он искренне не мог понять, как Сюй Яньцин может использовать такое слово, говоря о человеке, лицо которого было возвышенно-бессмертным, с явной императорской строгостью.

— Тц, тц, тц. Вот тебе и отсутствие вкуса. Не то что я! Я — живой легендарный Бо Лэ, знающийся на тысячилихих скакунах! — Самодовольство вернулось к солёной рыбине, и он засиял от гордости.

— Ладно-ладно, главное, чтобы молодой господин был доволен, — пожал плечами Ци Чэнь. — Раз уж вы правда собираетесь вернуться в столицу, вы подумали, как всё объясните маркизу Уаню, госпоже Су и Его Высочеству?

Сюй Яньцин почесал подбородок. Вопрос действительно сложный. А если вспомнить, что после родов он собирался оставить маленькую фасолинку во дворце... то объяснять это родителям будет ещё сложнее.

— А-Чэнь, как думаешь, сколько мне удастся это скрывать? — вздохнул солёная рыбина, переходя в привычное положение «лежать и не шевелиться перед лицом трудностей».

Ци Чэнь вскинул бровь:

— Думаю, молодой господин и месяца не продержится.

Увидев удивлённый взгляд юного господина, он пояснил:

— Когда я ехал в деревню Сюй с вами, отец сказал, что вернётся из столицы, когда срок у вас будет семь-восемь месяцев...

— Угу, но сейчас мне всего шесть с небольшим. Ещё рано! — солёная рыбина тут же впал в привычное состояние прокрастинации. Всё нужно оттянуть до последнего.

— Отец, само собой, следует указаниям маркиза и госпожи. А живот у молодого господина с каждым днём всё заметнее — вряд ли получится вечно отсиживаться в дворике. Вы правда думаете, что маркиз с госпожой не предусмотрели всё заранее?

Ведь они уже заранее пригласили докторов... а ближе к сроку понадобятся и акушерки, и кормилицы.

Скорее всего, любящие родители уже всё решили. Как же молодой господин собирается скрыть своё бегство в столицу с императором?